

ударения на фразеологической группе определение в латинском языке ставилось на первое место. Что же касается указательных местоимений, правило это подкреплялось в поздней народной латыни тем, что формы, употребленные в энклизе (т. е. после силового ударения) попадали в чрезвычайно невыгодное с фонетической точки зрения положение и были обречены на исчезновение. Сохраниться могли они лишь в проклизе благодаря устойчивости начального неударенного слога. Препозитивное положение указательных местоимений явилось, очевидно, одним из условий развития некоторых из них в артикль — грамматический оформитель имени в современных романских языках. Причины этого также ясны: при ослаблении и даже падении конечных слогов существительного его родовая, падежная и числовая характеристика могла выявляться лишь посредством препозитивного эпитета, образывавшего с ним единую ритмическую группу и сохранявшего поэтому обычно свою флексию¹⁴. Явление это, засвидетельствованное еще у старых латинских авторов (ср. у Энния — *bonus Ancu reliquid*, *Ann.* 151), становится распространенным в поздних памятниках. Одним из «хранителей» морфологической характеристики существительного в поздней народной латыни и явилось местоимение *ille*.

Итак, при постепенном отпадении окончаний латинское существительное получало свою грамматическую характеристику (в основном родовую и числовую — падежные отношения выражались предлогами) через посредство согласованного с ним определения — прилагательного, местоимения, числительного. Само собой разумеется, что ни одно прилагательное не могло стать стандартным детерминативом. Сочетание каждого прилагательного с тем или иным существительным всецело зависит от конкретной смысловой ситуации и не допускает грамматического абстрагирования в своем значении. Местоимения, наоборот, обладают такой субъективной растяжимостью своего содержания, которая делает их лексическое значение условным, всеобщим, как бы «беспредметным»... Эта смысловая всеобщность местоимений, — говорит акад. В. В. Виноградов, — приводит к тому, что иногда их функции бывают однородны с функциями формальных слов — частиц¹⁵. Но разные группы местоимений имеют различную степень отвлеченности и независимости от контекста. В этом отношении в наиболее выгодном положении находятся указательные местоимения, которые по сравнению с относительными, притяжательными, вопросительными и другими разрядами обладают наибольшей семантической емкостью, а отсюда и наибольшими возможностями в употреблении в качестве детерминативов имени. В наиболее выгодном с этой точки зрения положении среди других форм находилось местоимение *ille*. Дело в том, что система латинских указательных местоимений включала и притяжательные значения (ср. *hic* — «этот» по отношению ко мне, *iste* — «этот» по отношению к тебе, *ille* — «тот», т. е. предмет, отдаленный от обоих собеседников, но уже упоминавшийся в речи). Однако уже в архаической латыни намечается ослабление притяжательного значения этих форм (ср. сочетания *iste tuus* у Млавта и *iste meus* у Катутла), причем форма *iste* занимает в первые века н. э. доминирующее положение в системе указательных местоимений, тесня форму *hic*. Само собой разумеется, что *iste*, обладавшее более конкретным, нежели *ille*, значением, не смогло быть использовано в качестве единого детерминатива имени. Не могли соперничать с *ille* формы *hic* и *is*. Первое обладало более узким, чем *ille*, значением благодаря своей соотнесенности с 1-м лицом. Второе имело также довольно ограниченное самостоятельное употребление, выступая обычно

¹⁴ Правда, некоторые конечные гласные препозитивных указательных местоимений часто синкопировались перед начальными согласными существительного. См. *Lindsay, Early latin verse*, 1922, стр. 71.

¹⁵ В. В. Виноградов, *Русский язык*, Учпедгиз, М.—Л., 1947, стр.